

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ КАК СИСТЕМА И ИЕРАРХИЯ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

М.В. Назукина,
*Отдел по исследованию
политических институтов и
процессов ПНЦ УрО РАН*

О.Б. Подвинцев,
*Отдел по исследованию
политических институтов и
процессов ПНЦ УрО РАН*

Анализируется система территориальных идентичностей в современной России. Определены ее основные структурные элементы: национальный, макрорегиональные, региональные и локальные идентичности. Территориальная идентичность рассматривается как значимое основание для существования сообществ и важный фактор позитивного развития территории.

Ключевые слова: *идентичность, политическая идентичность, территориальная идентичность, регионализм, макрорегиональная идентичность, региональная идентичность, локальная идентичность.*

Растущий интерес общественных наук к исследованию идентичностей, с нашей точки зрения, отражает специфику современного этапа развития обществознания, дальнейшее продвижение на пути изучения социальной реальности такой, какая она есть на самом деле, а не такой, какой должна быть, по чьему-либо мнению. В пользу этого говорят два обстоятельства. Во-первых, границы социальной группы, определяемой с помощью понятия «идентичность», могут быть гораздо более четко определены, чем границы классических категорий общественных наук, таких как «класс», «элита», «массы», «нация» и т.д. Во-вторых, речь идет не о группах, выделяемых и «достраиваемых», прежде всего, самими исследователями, а о конструируемых внутри общества самими его членами. И в том, и в другом отношении «идентичность» можно поставить в один ряд с такими понятиями, как

«гендер» или «этнос», при этом оно оказывается более универсальным.

Психолог Э. Эриксон ввел в научный оборот понятие «идентичность» более полувека назад. Однако изучение данного концепта в социальных науках актуализируется лишь в 1980-е годы и связано с нарастанием темпов глобализации, довольно остро поставивших проблему единства политического пространства. На различных уровнях административно-территориальной и пространственной самоорганизации населения складываются различные матрицы идентичностей, иногда стихийно, а чаще целенаправленно конструируются социальные группы, локализованные в конкретном пространстве (стране, регионе, городе и т.д.). В этом контексте все более значимой становится проблема размытия ключевой идентичности для единого политического сообщества – национальной (государственной). Как нельзя бо-

лее значима она для России, где в условиях продолжающегося в масштабах страны «кризиса идентичности» активно проходят процессы регионализации и локализации – идет стихийный процесс конструирования территориальных идентичностей.

Вместе с тем продолжается дискуссия среди специалистов вокруг сути концепта. Ведь ответить на вопрос «что такое идентичность?» можно различным образом. Не случайно критики указывают на крайнюю неясность термина, которая заключается в разнообразиях его трактовок [2]. В идентичность оказываются включенными такие понятия, как тождественность, самость, групповость, социальная локализация, менталитет и др.

П. Рикер отмечает, что есть два латинских слова, которые участвовали в образовании слова «идентичность» – «idem» и «ipse» [6]. Соответственно, в концепте «идентичность» произошло наложение друг на друга двух разных значений. «Idem» – это синоним «в высшей степени сходного», «аналогичного», «того же самого». Такая трактовка идентичности встречается в подавляющем большинстве толковых словарей. Однако для социальных наук более значимым оказывается второе значение термина, в смысле «ipse», когда термин «идентичный» связывается с понятием «самости» (ipseite), селф (self), «себя самого». Человек обретает свою «самость», и она может изменяться далее в течение жизни. При этом у каждого индивида его «самость» есть сложная система соотношения себя с различными общностями, принадлежности каждой из которой придается разное значение.

Помимо разных оснований (тождественности и самости), в науке сложились различные подходы к интерпретации сущности идентичности. Одни авторы ставят на описание ценностных и ментальных характеристик, оформляющих границы «нас» от «других». Другие делают упор на практики «производства», «конструирования», «изобретения» идентичности. Методологические вариации и содержательная широта демонстрируют глубину концепта, его возможности и

объяснительный потенциал для понимания мотивации социального и политического поведения. Отсюда очевидный практический эффект изучения идентичности, ее значение для устойчивого общественного развития.

Как представляется, краеугольным камнем концепта идентичности является понятие самости. Оно фиксирует не только оформление признаков принадлежности к «своим», но одновременно различий, отделяющих «своих» от «чужих». Поскольку признается изменчивость самости, становится возможным рассматривать не только внутренние структурные элементы идентичности (ценности, символы, мифы и пр.) и внешние ее проявления, но также и поднимать вопрос «как она формируется?». Таким образом, идентичность приобретает процессуальное измерение.

На наш взгляд, идентичности – это не застывший набор признаков и свойств индивида или группы, демонстрирующих его/их самость, а процесс или практика выработки коллективных смыслов, наполняющих значением качества данной самости. Иными словами идентичность – это постоянные процессы идентификации, самопонимания, конструирования значений самости (вариантов ответа на вопрос «кто мы»), которые соперничают между собой и каждая из которых потенциально может стать доминирующей в идентификационной матрице индивида или группы. В основе идентичности могут лежать самые разные показатели общности – антропологические особенности, совместная территория проживания, историческое прошлое, религия, профессия, принадлежность к корпорации, общественный статус, уровень и специфика полученного образования и т.д. Любое основание идентификации может сознательно акцентироваться под воздействием субъектов политического процесса и приобретать политическое качество.

Одним из оснований, на базе которых становится возможным появление политических идентичностей, является пространство, ограничивающее сообщества друг от друга, т.е. территория их существ-

вования. Вопрос о важности территориальной идентификации для человека неоднократно поднимался в научной литературе. Исследования фиксировали, что, помогая ответить на вопрос «к чему я принадлежу?», она позволяет индивиду ощущать себя частью общности, выступает объединяющим коллективностью фактором [5]. Так, Бенедикт Андерсон отмечает, что формирование идентичности возможно лишь в пределах четких границ: за пределами даже самых крупных из них должны находиться другие сообщества [1]. При этом границы могут как совпадать, так и отличаться от административно-территориальных.

Именно территория становится той площадкой, в рамках которой возникает поле политики, поскольку она оформляет рамки социального взаимодействия и пределы власти. Более того, территория и сосуществующее в ее рамках сообщество служат основой формирования системы коммуникаций между людьми и, как следствие, – общего мироощущения и чувства единства, предполагающего общую идентичность. Следовательно, сам по себе факт проживания на одной территории в границах властно установленных административных единиц (государстве, регионе, городе или поселке) может стать либо фактором (благодаря которому усиливается различие себя по религиозному, этническому принципу), либо основанием для выдвижения территориальности на передний план идентификационной матрицы сообщества. Большинству индивидов в современных условиях свойственна множественность, в т.ч. и территориальных идентификаций, выстроенных в определенную иерархию. Верховенство в

ней в каждом конкретном случае может принадлежать различным территориальным уровням (таблица).

Территориальная политическая идентичность в современной России сопряжена с этнической и метаэтнической (различные части страны входят в славянский, угро-финский, тюркский и некоторые другие подобные «миры»), конфессиональной (православный, исламский, буддистский «миры»), исторически наследуемой (ощущение себя частью «постсоветского пространства») и т.д. Каждому из этих сопряжений на уровне индивида или группы также может придаваться различное значение.

В последние десятилетия усиливается значение наиболее приближенных к человеку уровней пространственной организации совместного существования – мезо- (регионального) и микро- (локального) уровней. Данные закономерности справедливы и для России, где 1990-е годы ознаменовались стихийной регионализацией и усилением региональной самостоятельности. При этом становление новой государственной идентичности происходило значительно медленнее и слабее (доказательством чего может служить сдержанное восприятие обществом большинства новых традиций, ритуалов, символов, праздников, генерируемых и внедряемых федеральной властью). В значительной степени это компенсировалось прочными позициями в новой России «постсоветской» идентичности. Однако с течением времени она стала неизбежно размываться.

Подобные общественно-политические трансформации по-новому ставят проблему единства политического пространства и политической идентичности, поскольку

Структура территориальной политической идентичности и ее типы в современной России

Уровни идентификации	Типы идентификации	Примеры
Наднациональный	Геополитический, географический	Европейская, евразийская идентичности
Национальный	Государственный или гражданско-политический	Российская идентичность
Субнациональный	Макрорегиональный	Уральская, Сибирская идентичности
Уровень субъекта страны	Региональный	Свердловская, Татарстанская идентичности
Локальный	Городской, местный	Нижнетагильская, Кунгурская идентичности

множится не только многообразие вариаций для определения человека в вопросе «кто есть я, мы», но и появляются новые очаги напряженности и конфликтности, проходящие по уровню территориальной идентичности.

С начала 2000-х годов регионы стали объектом реформы федеративных отношений, что заставило исследователей говорить о рецентрализации, переосмыслении роли субъектов и оценке пределов региональной самостоятельности. Вместе с тем можно отметить, что параллельно с централизацией «сверху вниз» в России наблюдается «новая» регионализация, которая происходит не столько на административно-территориальной, сколько на культурной и экономической основе. Сегодня федеральный Центр всячески стимулирует региональную конкуренцию, начиная от оценки эффективности деятельности региональных властей, которая не может не выражаться в поиске дополнительных ресурсных оснований для маркирования региональных достижений, и заканчивая стимулированием к стратегическому планированию в региональном развитии. Кроме того, само существование общих смыслов и символов, разделяемых региональными сообществами, оформленных не только административными границами, но и историческими, географическими, экономическими и прочими связями, приводит распространности практик конструирования региональной уникальности в качестве инструментов, усиливающих потенциал коллективного действия в регионах. Идентификация с территорией становится инструментом социально-политической мобилизации, и осознание важности этого политического ресурса происходит повсеместно и весьма активно.

Первым вариантом проявления территориальной идентичности в России можно считать макрорегиональный уровень, который занимает промежуточное положение между региональным и национальным. Его оформляют либо сложившиеся исторически границы сообществ (Урал, Дальний Восток, Русский Север и т.д.),

либо границы, оформляющие объединение регионов в единое пространство (например, идентичности, складывающиеся в рамках федеральных округов РФ).

Существование федеральных округов является примером институционального типа в создании регионов. Под таким углом зрения любая региональная политика, обладающая необходимыми институтами и собственным политическим статусом, может найти выход в идентификации и соотнесении с ними. Обычно региональная идентичность здесь складывается как производная от деятельности политического института или как следствие принятых в федеральном центре решений.

Между тем, существенным ограничением такого определения является не учет других критериев возможного определения региона, таких как, например, географические особенности или экономические формы территориальной взаимозависимости, способных в ряде случаев стать более значимым фактором при определении собственной принадлежности, чем зафиксированный в паспорте в графе «место рождения» или «прописка» субъект. Административные границы территории отходят на второй план, становятся ментальным символическим конструктом. Регион в данном смысле понимается как территориальное пространство, отделяемое от прочих сложившимися границами, системами коммуникаций между людьми и общей для них культурной памятью и «картиной мира».

Макрорегиональная идентичность, основанная на естественном структурировании пространства, складывается, если региональное сообщество, являющееся ее носителем, имеет общую «картину мира», сформировавшуюся исторически. Характер колонизации территории российского государства, а также совокупность природных и географических факторов сформировали на карте страны регионы – суперсубъекты. К таковым относятся Дальний Восток, Сибирь, Урал, Поволжье, исторический Европейский Центр, Русский Север, Северный Кавказ.

В каждом их перечисленных макроре-

гионов можно обнаружить ядро, оформляющее основу его самости:

– Дальний Восток оформляют объективное географическое местонахождение, оторванность от Центра, геополитический статус и размер этой, «гигантской», части российского государства.

– Сибирь, будучи переселенческим и ссыльным краем, замкнутой от Европейской части России в связи с удаленностью и отличающимися природно-климатическими условиями, сформирована «сибирским характером», сохраняющимся духом освоения новых земель. Ключевыми личностными чертами «типичного сибиряка», по мнению тех, кто идентифицирует себя подобным образом, являются фиксируемые в опросах такие характеристики, как выносливость, упорство, честность, благожелательность, искренность, прямота, расовая непредубежденность, демократизм и др. [7].

– Основу уральского макрорегиона составляет экономический дискурс. Наличие огромных ресурсов, мощного промышленного потенциала неразрывно связано с Уралом. Общая стратегическая (индустриальная) роль в общей системе государства формируют уральскую особость. Другая, дополнительная, но важная черта уральской самости обусловлена тем, что на протяжении долгого исторического времени Урал представляет собой «промежуточную и соединяющую территорию», «перевал» на пути между обжитым «историческим ядром» России и переселенческими сибирскими просторами.

– Поволжье оформляется соединяющей эти территории волжской осью и особенностью наличия здесь достаточно сильной автохтонной национальной компоненты (национальных республик).

– Европейский Центр связывается историческим дискурсом. Это «историческое ядро» государства, которое выполняет прежде всего ментальные и статичные функции.

– Русский Север образует совокупность географических и природных оснований (Север, Арктика), а также национальных (коренные малочисленные наро-

ды Севера), но доминирующим является альтернативная трактовка исторических особенностей («подлинная», «настоящая», «другая» Россия).

– Уникальность Северного Кавказа, связана с географическими и этнокультурными особенностями (полиэтничность и религиозный синкретизм) территории.

Безусловно, перечисленные выше основания макрорегиональных идентичностей имеют свои дополнения и различия, выявляемые при обращении к составляющим их субъектам. Однако во многих случаях принадлежность к макрорегиону может объяснить мотивы, конструирующие региональную идентичность (уровня субъекта РФ), являющуюся доминирующим проявлением территориальной идентичности.

Региональная идентичность связана с утверждением в системе самоидентификации человека особенностей и смыслов, на которых строится осознание своей принадлежности к территории. Речь идет как о принадлежности к группе (региональному сообществу), которое выстраивается на общих социокультурных основаниях, так и о фиксации соотнесенности с пространством («землей») как значимой при определении «кто есть мы» [4].

Каждый из российских регионов представляет собой уникальный набор проявлений региональной идентичности в содержательном выражении и наборе дискурсивных практик, конституирующих региональную самость. Обращение к опыту российских регионов показывает также, что в одних регионах активно осуществляется политика по конструированию региональной идентичности, а где-то региональная «самость» развивается преимущественно стихийно.

Вместе с тем проблема региональных идентичностей не ограничивается политическим качеством: помимо идентичностей, складывающихся в границах, установленных политически, существуют и ареальные идентичности, служащие естественным способом самоорганизации общества в пространстве.

Можно предложить конкретные показатели, которые позволяют измерить «си-

лу» региональной идентичности:

1) преобладающая модель самоопределения в территориальном сообществе или место территориального маркера среди прочих маркеров идентичности (например, национального, профессионального, социального и пр.), а также отождествление себя, в первую очередь, как «жителя своего региона (республики, края, области)»;

2) отношение к месту (по шкале положительное – отрицательное) и внутренний портрет сообщества своей уникальности (природно-географические, историко-культурные, социально-экономические, политические особенности образа региона);

3) институциональная идентификация или укорененность сообщества: высокий или низкий уровень доверия к региональным институтам власти, преобладающее миграционное сальдо;

4) номенализация сообщества или наличие имени региона, а также транслирование этого имени на название им себя (к примеру, Вятка – вятчи) и конфликт или согласие сообщества и наличие альтернативных имен-названий региона;

5) позиционирование особенности региона (наличие политики идентичности), проявляемое в следующих характеристиках:

– наличие/отсутствие официальной символики (герб, флаг, гимн), «визитной карточки», неофициальных символов – ключевых сувениров региона, мифологем о регионе (традиции, легенды, фольклор);

– определение ключевого символа особенности региона (наличие конкурсов «7 чудес региона», «символ региона», «имя региона», «гордость региона», участие в проекте «7 чудес России», общественный резонанс и интенсивность регионального дискурса особенности во время данных конкурсов);

– брендинг в региональной политике:

1) в туризме (туристическая привлекательность), 2) инвестиционной привлекательности (наличие программ по инвестиционной политике, крупных бизнес событий – форумов, спортивных мероприятий и пр.), 3) в торговых марках и названиях продук-

тов производства в регионе, 4) наличие персонифицированных брендов (выдающихся лидеров региона – «культурные герои» региона, звезды спорта, эстрады);

– претензия на статусность (столичность, центральность и пр.) и наличие региональных амбиций, подкрепленных реализацией крупного федерального проекта на территории региона;

– реакция на проводимую политику по конструированию уникальности в самом сообществе и степень включения общест-венности в данный процесс.

Результатом рефлексии о самости должны стать маркеры идентичности: территориальные символы и объекты гордости, ритуальные практики, благодаря которым становится возможным ощутить коллективную солидарность регионального сообщества.

Иерархию территориальных идентичностей в России продолжает наиболее приближенный уровень пространственной организации жизни сообщества, называемый локальным (уровень города, района, поселения). Локальная идентичность основана на понятии «малая родина» и может быть определена как совокупность смыслов, эмоциональных и ценностных значений, которыми наделяется важное для самоопределения человека место [3]. На психологическом уровне она может также проявляется в нежелании менять место жительства, любви к «малой родине», распространенности выражений «это моя родина – плохая или хорошая, но моя», «здесь живут мои родственники и жили мои предки» и др.

Именно имя города часто становится ключевым маркером при ответе на вопрос «кто мы?». Для достижения целей своего развития локальное сообщество не замыкается на использовании только символических ресурсов своей территории, а включается в региональные и шире – международные сети.

Актеры региональной и городской политики осознают потенциал территориальной идентичности и используют имиджевую политику и брендинг как ресурс развития своих территорий. Использо-

мые символические стратегии с опорой на человеческий капитал позволяют развивать туризм, совершенствовать инфраструктуру города и, как следствие, улучшать социальное самочувствие жителей, усиливая региональную идентификацию.

Безусловно, основной практический эффект, который могут дать и дают исследования региональных и локальных идентичностей в современной России связан с определением и корректировкой стратегий развития территорий, поиском путей повышения их инвестиционной привлекательности, консолидацией местных сообществ. Однако стоит принимать также во внимание, что именно спайка и взаимопроникновение различных идентичностей, их совместимость и соотносимость между

собой определяют степень устойчивости каждого из больших социумов, именуемых словом «страна». К этому следует добавить, что среди общественных конфликтов, перетекающих в политическую плоскость, труднее всего поддаются урегулированию те, в основе которых лежит не столкновение интересов или ценностей, а возникшее противостояние идентичностей. В таких конфликтах, где каждая из сторон противостоит другой просто потому, что «мы – это мы, а они – это они», на них не действуют рациональные аргументы и они менее всего настроены на достижение компромисса. Профилактика «конфликтов идентичностей» окажется более эффективной, если будет иметь под собой научную основу.

Библиографический список

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М., 2001. – С. 35.
2. *Брубейкер Р.* Этничность без групп. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – С. 74.
3. *Назукина М.В.* Локальная идентичность // Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий (отв. ред. И.С. Семенов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 208 с.) / Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 140–143.
4. *Назукина М.В.* Региональная идентичность // Там же. – С. 143–147.
5. *Орачева О.И.* Региональная идентичность: миф или реальность // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. – М., 1999. – С. 36.
6. *Рикер П.* Повествовательная идентичность. – М., 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://philosophy.allru.net/perv234.html> (дата обращения: 16.04.2013).
7. *Сверкунова Н.В.* Феномен сибиряка // Социологические исследования. – 1996. – № 8. – С. 92.

RUSSIAN FEDERATION AS A SYSTEM AND HIERARCHY OF IDENTITIES

M.V. Nazukina, O.B. Podvintsev

The paper analyzes the system of territorial identities in modern Russia. It defines its basic structural elements: national, macroregional, regional and local identities. Territorial identity is seen as a significant reason for the existence of communities and an important factor in the positive development of the territory.

Keywords: political identity, territorial identity, regionalism, macroregional identity, regional identity, local identity.

Сведения об авторах

Назукина Мария Викторовна, кандидат политических наук, научный сотрудник, Отдел по исследованию политических институтов и процессов ПНЦ УрО РАН, 614990, г. Пермь, ул. Ленина 13А; e-mail: nazukina@mail.ru

Подвинцев Олег Борисович, доктор политических наук, заведующий отделом, Отдел по исследованию политических институтов и процессов ПНЦ УрО РАН, 614990, г. Пермь, ул. Ленина 13А; e-mail: , ipl_perm@mail.ru

Материал поступил в редакцию 20.04.2013 г.